

Эмма

Шажань

Джонатан

Элис

Хуберт

Маргарет

Лондон, декабрь 1893 года

Новость в один миг облетела весь город: детектив погиб. Джентльмены шептались в клубах, из пабов на берегах Темзы раздавались удивленные восклицания, в кабинетах полицейского управления Скотланд-Ярда недоверчиво переглядывались. Даже в Палате общин вряд ли обсуждалось хоть что-то другое в тот день. Нашлись и такие, кто утверждал, что собственными ушами слышал исполненный боли и ярости вопль второго жильца — доктора, делившего квартиру с детективом. Этот крик вырвался, когда тот вернулся домой и осознал, что жилище их навсегда опустело. Кое-кто даже утверждал, что доктор вдребезги разбил окно, швырнув в него неким увесистым предметом. Спустя несколько недель в этой версии истории появилось уточнение: предмет оказался скрипкой в футляре.

Как раз данное предположение не имело ни малейшего отношения к действительности. Никто не кидал скрипку Шерлока Холмса в окно. То, чем Джон Ватсон, выйдя из себя,

запустил в окно кабинета квартиры дома 221Б по Бейкер-стрит, на самом деле было самым обыкновенным пресс-папье. Оно представляло собой не обладавший какой-либо ценностью зеленый отполированный величиной с кулак камень, украшавший письменный стол его друга. Однако все остальное в этой истории, передаваемой из уст в уста, действительно вполне соответствовало: Шерлок Холмс был мертвее мертвого, и даже хуже того. Тело его пропало в Швейцарии, исчезло в реке Аре, уйдя под воду у подножия Рейхенбахского водопада.

Эмме Дойл едва исполнилось пятнадцать лет, когда это известие, которое пронеслось ледяным смерчем по лондонским улицам и увлекло за собой все подряд, повергло ее в ужас. В тот момент Эмма была не одна, а с Виггинсом, своим приятелем и предводителем группы ребят, что практиковались в искусстве наблюдения, оттачивая свои умения на рынке Ковент-Гарден. Эмма заняла позицию на пересечении двух самых многолюдных рядов, уставленных прилавками со всеми видами съестных продуктов. По истечении ровно пятидесяти секунд созерцания, за которые она приложила все усилия к тому, чтобы запечатлеть в своей памяти всё и вся, Эмма закрыла глаза, подчинившись команде парня.

— Так, замечательно, — прозвучал у нее под ухом голос Виггинса. — Сколько свиных голов на прилавке мясника за твоей спиной?

— Три, — ответила Эмма без колебаний, не открывая глаз. Вокруг нее клубились звуки и запахи рынка. Она старалась на них не заикливаться: ей предстояло сдать экзамен по наблюдательности, и мозг должен был сохранить все, что она видела, в незамутненном состоянии.

— Прекрасно, — сказал Виггинс. Даже не видя его, по одной лишь интонации, Эмма поняла, что на веснушчатой физиономии приятеля расцвела улыбка. — Кто стоит за прилавком с фруктами на углу?

— Две женщины.

— Опиши их внешность.

— Одной из них на вид лет пятьдесят пять. Волосы короткие, с проседью, шерстяная юбка и серая шаль на плечах. Другая похожа на ее дочь...

Она поняла, что допустила ошибку, раньше, чем Виггинс успел ей на это указать.

— Говори только о том, что видела своими глазами. Догадки твои мне не нужны. Мы этим не занимаемся: делать выводы — не наша обязанность.

В голове Эммы прозвучал голос сыщика: «Мне нужны не теории, а факты».

Тут она открыла глаза. Эмма чувствовала себя усталой, хотелось есть, и единственное, что всплывало в ее памяти в связи с фруктовым ларьком, за которым стояли женщина в возрасте и вторая, которая совершенно очевидно приходилась ей дочерью, так это пирамида зеленых яблок в углу прилавка. Виггинс с нескрываемой досадой окинул ее взглядом.

— Ну же, Эмма, давай, нужно тренироваться. В прошлый раз, в деле об убийстве продавца бриллиантов, ты не запомнила цвета...

— Прекрати, — отрезала она. Из-за той досадной ошибки она лишилась гиней. — Забудь об этом, ладно? Давай-ка я лучше яблоком тебя угощу.

Виггинс выгнул бровь.

— У тебя что, лишние монеты в кармане завелись?

— Скажешь тоже, Виггс, — улыбнулась Эмма. — Стянуть кое-что с прилавка, причем даже похлеще, чем парочку яблок, для меня — уже пройденный этап. Впрочем, как и для тебя.

И все же сейчас она впервые задалась вопросом: а стоит ли на этот раз рисковать? Ведь пятнадцать лет — возраст более чем достаточный, чтобы воришку сочли настоящей воровкой, так что дело могло закончиться ночевкой в каталажке. В конце концов, у нее и вправду были при себе деньги, которых хватило бы для покупки пары яблок. Никакого смысла искушать судьбу, пожалуй, не было. С другой стороны, если Эмму и захотят упрятать в каталажку, сначала все же придется ее застукать. А поймать девчонку за руку пока еще никому не удавалось.

Эмма разительно выделялась в «Сыщиках с Бейкер-стрит» — ватаге ребят, с которыми она росла бок о бок, бегая по улицам района Мерилибон и Риджентс-парку. Благодаря настойчивости и неусыпным заботам ее старшей сестры каштановые волосы девочки всегда были чисто вымыты и хорошо уложены, а простенькие платья и ботинки выглядели вполне сносно. В результате Эмма неизменно производила самое благоприятное впечатление на взрослых, хотя никому и никогда не приходило бы в голову принять ее за одну из тех юных леди, что выходили из экипажей или садились в них у нее на глазах. По этой причине она и стала самой успешной в «Сыщиках» воровкой.

Но на этот раз реализовать задуманное помешала ее подруга Мерседес: резко схватив Эмму за руку и решительно уведя ее в сторону от яблок с блестящими боками, она мгновенно смела возникшую перед Эммой этическую дилемму. Мерседес вынырнула как будто из-под земли из-за спин толкавшихся у прилавков покупателей и уверенными шагами направилась к Эмме и Виггину.

— Эй, Мерси, ты чего? Какая такая муха тебя укусила? — жалобно верещал Виггинс, пока их подруга без лишней деликатности тащила обоих за собой к выходу из рынка.

Смуглое личико Мерседес, обычно такое веселое, выглядело крайне удрученным.

— Кое-что случилось, идите за мной.

На улице стоял пробирающий до костей холод. Пошел снег. Редкие мягкие хлопья кружились в воздухе, они не ложились на землю, но окрашивали весь Лондон бледностью, как будто в то утро кто-то взял в руки смоченную спиртом тряпку и принялся стирать все вокруг, избавляя мир от излишней яркости.

Мерседес завела их за угол рынка на площади Ковент-Гарден. В углублении подъезда дома показалась пара знакомых лиц: ребята прятались от холода. Еще двое членов «Сыщиков с Бейкер-стрит»: Фредди, правая рука Виггинса, и Зои, обычно и так печальная, но сегодня она хмурилась еще больше. Эмма растерянно взглянула на друзей.

— Что такое, что случилось?

— Детектив погиб, — слышался голос Зои. Пепельные волосы падали на лицо, глаз не было видно, но Эмма достаточно хорошо знала ее и сразу поняла, что подруга плакала.

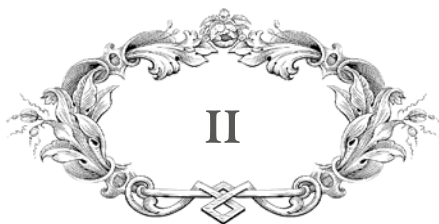
У Эммы перехватило дыхание. Через пару часов они узнают мельчайшие детали случившегося — он шел по следам профессора Джеймса Мориарти, — но в тот момент все это было еще не столь важно, и Эмма плохо представляла, что ей следовало почувствовать.

Детектив погиб, а вместе с ним пропал и единственный надежный источник ее доходов, существовавший более шести лет. С раннего детства ребята из «Сыщиков с Бейкер-стрит» снабжали Шерлока Холмса информацией, держали его в курсе всех

тех слухов и сплетен, о которых респектабельный джентльмен не узнал бы без их помощи. Ежедневный шиллинг за услуги, а если им удавалось навести детектива на надежный след — то целая гинейя. Однако не это было самым досадным. Шерлок Холмс вряд ли был для Эммы чем-то бо`льшим, чем неким смутным силуэтом: ей ни разу не довелось толком с ним пообщаться — так, разве что парой слов перекинуться. Однако само его присутствие и в Лондоне, и в ее жизни было чем-то надежным, вроде якоря, за который — она знала — всегда можно будет ухватиться, когда ничего другого не останется. Холмс был тем, к кому всегда было можно прийти за помощью. Теперь этот якорь исчез, и она поплыла по течению. Детектива не стало, и мир Эммы Дойл оказался на краю пропасти, окончательно и бесповоротно.

Она обвела взглядом всех своих друзей, задумавшись, станет ли эта встреча для них последней, и вопрос ее прозвучал гулко и испуганно:

— И что же нам теперь делать?

Элис Дойл, старшую сестру Эммы, та же новость настигла чуть позже.

Быстро шагая по улицам Олдгейта на почту, она услышала обрывки разговора перед лавкой: беседовали лавочник и покупательница, и ей удалось расслышать в этом диалоге о водопаде с каким-то экзотическим названием имя Шерлока Холмса.

— Как по мне, так то, что его рано или поздно кто-нибудь да ужокошит, было вопросом времени, — спокойно прозвучал комментарий женщины, половчее устраивающей в руках младенца. — Такие, как он, до седины не доживают.

От услышанного Элис резко остановилась, будто в стену уперлась. Шерлок Холмс погиб? И сразу же подумала об Эмме: знает ли эту новость сестренка? Впрочем, она не сомневалась, что Эмма уже в курсе: юные сыщики с Бейкер-стрит узнавали обо всех новостях и слухах этого города раньше других, иначе бы детектив к ним не обращался. Элис по большому счету никогда не испытывала особых симпатий к приятелям сестренки — шайке

маленьких преступников, с которыми Эмма водила дружбу ровно с тех самых пор, как вошла в разум. Однако Бейкер-стрит, как и другие улицы Мерилибона, была существенно безопаснее, чем улицы Ист-Энда, где сестры жили в крошечной квартирке с одной-единственной комнатой на первом этаже сильно обветшавшего от времени дома. Элис было даже на руку, что Эмма целыми днями проводит время подальше от тех мест, несмотря на то что игры в воров и сыщиков в весьма обеспеченной части города могли навлечь на сестру кучу проблем. Эмме только что исполнилось пятнадцать, и Элис старательно гнала от себя тревожные мысли о том, какую именно роль предпочитает ее младшая сестра: сыщика или воришки. К реализации обеих были все предпосылки.

Тем не менее у Элис имелись и другие проблемы, требовавшие ее внимания. Известие о гибели Шерлока Холмса ни в коей мере не являлось в то утро для нее приоритетом, чем-то, побуждавшим к незамедлительным действиям. Первая проблема — внезапное предложение о замужестве. Вторая — письмо от сестры. Еще одной ее сестры, с которой у Эммы нет ни капли родства.

И она пошла дальше, к почтовому отделению, крепко сжимая в обтянутой перчаткой руке письмо, спрятанное в карман.

Элис шел двадцать второй год, она уже давно достигла брачного возраста, да и мужчина, предложивший ей руку и сердце, был добрым малым, к тому же его финансовое положение было существенно лучше, чем у нее самой, так что проблема заключалась не в этом. Претендент на ее руку был портным с Кричерч-лейн, овдовевшим меньше года назад. Нрав у него был спокойный, держался он вежливо и, хотя и был почти вдвое старше, по-прежнему мог бы считаться симпатичным. Элис

пару раз обращалась к его услугам портного, наведываясь в мастерскую с заказами: перешить два своих платья для Эммы и переделать отцовское пальто для себя. Она прекрасно знала, что мужское пальто на молодой девушке будет выглядеть странно, но денег на новое у нее не нашлось.

Элис провела детство в Ист-Энде, а после смерти родителей одна, без чужой помощи, растила младшую сестру, так что давно уже не позволяла себе блуждать в дебрях романтических мечтаний. Она не надеялась на принца на белом коне, что явится однажды, увезет ее из пропахшего сыростью и сажей sklepa, в котором она жила, и откроет двери в блестящее будущее. С другой стороны, не ожидала Элис и получить первое в жизни предложение руки и сердца от едва знакомого мужчины в тот момент, когда он, тепло улыбаясь, вручит ей сверток с перешитыми вещами, а доверком к нему — перечень доводов, почему ей крайне выгодно принять его предложение:

— У меня две дочки, и им нужна мать, а ты, судя по всему, девушка благоразумная и бережливая. Да и своих детей мы сможем еще завести, ежели захочешь. Квартира моя тебе понравится — она прямо над мастерской. Поднимешься посмотреть?

Подниматься Элис не стала. Она точно знала, что каждая из ее знакомых — за исключением, быть может, двух ее сестер — посоветовала бы ей принять это предложение. Голова у Элис шла кругом, и она, отклонив его, чувствовала себя эгоисткой, ведь будущее Эммы тоже было поставлено на карту. В полном смятении она пришла домой, бросила сверток на кровать и только тогда заметила на полу под дверью маленький конверт. Кто-то им написал. На конверте стоял штемпель международного отправления, а среди знакомых Элис имелся

лишь один человек, который жил за пределами Англии. Письмо от сестры Элис прочла с едва сдерживаемым волнением: что ж, принц на белом коне, может, и не понадобится. Маргарет Тернер, ее старшая сестра, только что дала ей шанс на новую жизнь.

Оставив позади лавочника и женщину, рассуждавших о гибели Шерлока Холмса, Элис прибавила шагу, надеясь на то, что ей хватит монеток, чтобы сегодня же отбить телеграмму в Шанхайское международное поселение*.

* Шанхайское международное поселение (или сэтлмент) — территория Шанхая, находившаяся под международным управлением с 1842 по 1943 год.

За последние несколько дней Эмму столько раз практически вывернуло наизнанку, что сил на еще один такой опыт не осталось. Судно едва отчалило от пристани, как один из матросов уже увидел ее на палубе стоящей на коленях и упершейся лбом в перила: удержать в себе содержимое желудка она была не в силах. Матрос пообещал, что лучше ей станет, когда они выйдут в открытое море и берег исчезнет с горизонта. Лучше ей стало, это верно, однако в открытом море они провели уже больше недели, а Эмма по-прежнему страдала от морской болезни. И с тоской вспоминала о твердой английской земле под ногами.

Хотя и не могла не признать, что в некотором смысле пребывание в открытом море имело свои преимущества. Воздух, разумеется, был намного чище и свежее, чем в Лондоне, да и люди казались более умиротворенными, чем в городе: никуда не спешили, просто дожидались момента, когда судно доставит их к месту назначения. Речь, правда, шла не о роскошном пароходе,

как те новенькие трансатлантические лайнеры, изображения которых красовались на почтовых открытках в газетном киоске в Риджентс-парке. Более того, когда Эмма смирилась наконец с тем, что они с сестрой едут не куда-нибудь, а прямо-таки в Китай, она отправилась к этому киоску и украла одну открытку с целью созерцать увиденное и утешаться мыслью, что морское путешествие обещает по крайней мере быть увлекательным. Тогда она даже подумать не могла, что желудок ее так взбунтуется и что трансатлантические лайнеры, которые красуются на почтовых карточках, служат, как можно догадаться по их названию, исключительно для выполнения рейсов через Атлантический океан и пунктом их назначения является Америка. А то судно, на котором они отправились в Азию, оказалось легким и весьма скромных размеров. Большая часть его внутреннего пространства предназначалась для разного рода товаров, но и кают там тоже хватало. Сестра Элис, мисс Маргарет Тернер, забронировала им билеты в каюту второго класса, так что в этом отношении жаловаться Эмме не приходилось. Да и питание было вполне приличным, хотя сама она решилась попробовать судовую кухню только на третий день, когда приступы тошноты чуть поутихли, дав передышку и ей, и их каюте. Удивление сестер вызвала щедрость мисс Тернер, которая позволила себе подобного рода траты. Особенно если учесть, что на судне имелись места и подешевле, на которые Эмма с Элис согласились бы с не меньшей благодарностью.

— Кажется, ты совершила ошибку, выбирая, с какой из сестер тебе оставаться, — сказала она Элис в их первую ночь на борту, когда обе они глядели в качающийся потолок каюты, лежа на койках, гораздо более удобных, чем матрас в их лондонской квартире.

Элис хохотнула и повернулась к Эмме, пытаясь заглянуть ей в лицо. С той самой минуты, как сестры поднялись на борт, она тоже чувствовала себя менее напряженной и более спокойной, почти как в те благословенные времена, когда родители девушек были еще живы и Элис не пришлось взвалить на себя груз насущных забот. Лунный свет, лившийся сквозь иллюминатор, освещал ее лицо бронзового оттенка. Кожа у Элис была смуглой, хотя она никогда не загорала, глаза карие, волосы светло-каштанового оттенка. Все в ней было каким-то оливково-золотистым, в отличие от Эммы, бледненькой с голубыми глазами и темными волосами. Эмма раздумывала о том, похожи ли мисс Тернер и Элис. Они же родные сестры, хоть и виделись за последние пятнадцать лет всего пару раз.

На самом деле Эмма и Элис кровными сестрами не были. Отец Элис и мать Эммы поженились, когда Эмма еще находилась в чреве матери, а Элис была шестилетней девчушкой. Эмма никогда не знала другого отца, кроме мужа своей матери, и никаких братьев или сестер, за исключением Элис, у нее не было. Однако у мистера Дойла была еще одна дочь: Маргарет, намного старше Элис. Когда мистер Дойл женился второй раз, Маргарет исполнилось семнадцать, и она работала горничной в семействе Йоркширов. Она никогда к ним не приходила и не желала лично знакомиться с новой супругой отца, но пунктуально поддерживала переписку с отцом и младшей сестрой. Вскоре Маргарет стала подписывать письма девичьей фамилией покойной матери, тем самым еще больше увеличив дистанцию между собой и семейством Дойлов. Эмма до сих пор помнит смирение во взгляде отца, появлявшееся в нем всякий раз, когда он видел эту фамилию на конвертах, все время приходивших из какой-нибудь новой страны: то это была Индия,

то Перу, то Соединенные Штаты Америки. Господа, на которых работала Маргарет, вели бизнес по всему миру, так что конверты получали особую привлекательность в глазах Эммы, которая воображала себе мисс Тернер первооткрывательницей из какого-нибудь приключенческого романа. Но теперь, когда Маргарет Тернер перевалило за тридцать и она осела в Шанхайском международном поселении, где служила другому британскому семейству, она предложила обеим сестрам работу и новый дом на другом конце света.

Эмма обвела долгим взглядом Элис в попытке понять, что та чувствует и что обо всем этом думает. Тем вечером они отдыхали на палубе, в той ее части, что предназначалась для пассажиров второго и третьего классов. Элис прислонилась к стене: на ней было мужское пальто, принадлежавшее когда-то отцу, на голове — шерстяной беретик, натянутый на самые уши, чтобы было теплее. Она читала оставленную кем-то на лежаке газету.

— Есть что-нибудь интересное? — спросила Эмма, чтобы привлечь к себе внимание сестры. На самом-то деле ее ничуть не интересовали газетные новости. Свежими быть они никак не могли, поскольку судно уже почти две недели бороздило моря и океаны.

— Пишут о гибели Шерлока Холмса. О том, что он преследовал какого-то преступника, но почти без подробностей. Имя преступника не называют.

— Мориарти, — с явным презрением обронила в ответ Эмма. — Джеймс Мориарти. Глава влиятельной преступной группировки.

Элис оторвала взгляд от газеты.

— А ты откуда знаешь?

Эмма пожала плечами.

— Да просто Холмс уже какое-то время его выслеживал. Мы все об этом знали.

Уточнять, кто такие «все», Эмме не было необходимости: Элис была неплохо осведомлена о похождениях сестры и сразу поняла, что речь идет о ней самой и ее приятелях.

— В газете пишут, что он тоже погиб, — продолжила Элис. — И это вам было известно?

Эмма кивнула. Миссис Хадсон, хозяйка квартиры Шерлока, сообщила Фредди новости в то же утро, когда все произошло. По словам Фредди, несчастная женщина весь день пребывала в совершенном отчаянии. Эмма почувствовала укол ностальгии и перевела взгляд на блокнот и карандаш у себя на коленях. Она сидела на лежаке и уже довольно долго предпринимала попытки что-то записать, хотя у нее мало что выходило.

В глубине души она знала, что ее рассеянность не только из-за морской болезни.

Ее лондонский мир, оставленный позади, разваливался. Какая-то часть ее самой радовалась представившейся возможности бежать, понимая, что она уже будет совсем далеко, когда все исчезнет, словно ничего и не было. Эмма стала первой, но все из их «Сыщиков с Бейкер-стрит» когда-нибудь обязательно покинут те улицы, на которых они росли, и разойдутся разными путями-дорогами. Теперь с этим местом их уже ничего не связывало, и настоящим облегчением для Эммы стало осознание, что не она последней наблюдает за уходом всех остальных.

Наверное, по лицу ее было заметно, что похвастаться хорошим настроением она не может, поэтому Элис сложила газету, бросила ее на пустой лежак, а потом села рядом с сестрой и обняла ее за плечи.

— Я слышала, что в Шанхае возле причалов есть песчаные пляжи и скалы тоже есть, — сказала она с ободряющей улыбкой. — В хорошую погоду старики и дети ходят туда ловить раков. Потом разводят на песке костры и пекут свою добычу. А еще там часто играет музыка, а по праздникам даже устраивают фейерверки.

Эмма, к собственному неудовольствию, улыбнулась. Элис старалась. Всю жизнь она старалась только для нее.

— Звучит заманчиво, — сказала она, взявшись свободной рукой за руку Элис. — Кстати, как ты думаешь: шанхайские раки по вкусу такие же мерзкие, как из Темзы?

Элис скорчила гримасу отвращения, и Эмма засмеялась.

— Боже ж ты мой, надеюсь, что нет!

Хуберт Елинек познакомился с сестрами Дойл в тот день, когда они только приехали к отелю, в котором он работал. Отель располагался на Нанкин-роуд, в самом центре Шанхайского международного поселения. И первая пришедшая ему в голову мысль была о том, что эти две девушки нигде во всем мире не могли бы оказаться настолько не к месту, как в Шанхае.

Судно, на котором Элис Дойл и ее младшая сестра прибыли из Англии в Китай, бросило якорь в порту пару часов назад, и обе явно находились под сильным впечатлением от бурного кипения жизни вокруг. В любом случае не Хуберту было их в этом винить. Шанхайское международное поселение объединяло торговцев и коммерсантов со всего света: в первую очередь здесь селились иностранцы из Великобритании и Соединенных Штатов, но было немало выходцев и из других стран Европы, Азии и Латинской Америки. Улица Нанкин-роуд с ее эклектичным смешением культур и архитектурных стилей даже

ему, прожившему здесь уже с десяток лет, казалась чарующе экстравагантной.

Вторая мысль, пришедшая в голову Хуберта Елинека при виде сестер Дойл, сводилась к тому, что младшей, Эмме Дойл, явно не больше пятнадцати лет. То есть как раз столько, сколько было Хуберту, когда весь его мир раскололся на обломки, что ранили его тело.

О том, что случилось в Карловых Варах

Часть первая

Ему все-таки удалось загнать птицу туда, где можно было ее поймать. Пташка залетела под яркий полог рыночной палатки и стала биться о матерчатую крышу: лететь было некуда. Хуберт подозревал, что кто-то подрезал ей крылья, чтобы не упорхнула. Он успел немного разглядеть ее, пока она с испуганным писком металась между палатками с едой, алкогольными напитками и вафлями на вечернем базаре перед Большой Купальней, и предположил, что это одна из тех диковинных птиц, которых обыкновенно везут в клетках иностранцы, едушие на отдых в город-курорт Карловы Вары. Хуберт, естественно, не имел ни малейшего понятия, откуда эту пташку привезли, из какого роскошного особняка она упорхнула, однако было очевидно, что если сейчас ее не поймать и не унести с собой, то в живых она останется ненадолго. Если он не поторопится, птичка попадет под ноги пешехода или окончит свои дни в брюхе уличного кота.

— Ну же, малыш. — Хуберт с величайшей осторожностью подобрался поближе и нырнул под прилавок с засахаренными фруктами. — Я ж помочь тебе хочу.

Резким движением он откинул полог, куда залетела птица, и голыми руками успел схватить ее за долю секунды до того, как она вновь упорхнула. И стал разглядывать со смешанным чувством триумфа и восхищения. Чудесное создание: клюв загибается книзу, оперение яркое, разноцветное. Наглядевшись, Хуберт заботливо завернул птичку в полу рубахи и отправился домой.

Семья Хуберта жила на самой окраине небольшого города Карловы Вары в Королевстве Богемия, что лежит в самом центре Европы. Тем вечером город бурлил и шумел. Курортники, которые проводили здесь лето, и те, кто приехал всего на несколько дней, чтобы посетить знаменитые купальни, фланировали по выложенным тротуарной плиткой улицам, услаждая свой слух творениями уличных музыкантов и разглядывая разные лакомства на прилавках. В свои пятнадцать лет Хуберт считал себя счастливейшим парнем: ему повезло родиться не где-нибудь, а в этом городе. В городе, изобилующем шикарными отелями, куда год за годом приезжали и элегантные дамы, и достойнейшие джентльмены. В тот вечер, возвращаясь с яркой птахой в руке домой, Хуберт не испытывал желания жить в какой-либо иной стране, кроме Богемии, а в пределах Богемии — ни в каком ином городе, кроме блистательных Карловых Вар.

На маленьком заднем дворе мастерской его матери, за которым начиналась сосновая роща (сосны окружали весь город), Хуберт держал старую птичью клетку. В то время там у него жили щегол, у которого еще не полностью зажило левое крыло, и зеленая певчая птичка: она точно так же, как и экзотическая красotka, что попалась ему сегодня на улице, не смогла бы выжить на воле сама по себе. Хуберт осторожно посадил птицу в клетку и немного постоял, наблюдая, чтобы убедиться, что

новенькая не представляет угрозы для двух обитателей клетки. Размером пташка была крупнее их обоих, но держалась вполне миролюбиво и как будто почувствовала несказанное облегчение, когда Хуберт выпустил ее из рук.

Нужно будет сходить на птичий рынок — спросить, что такие птицы едят. А пока, он надеялся, она сможет обойтись фруктами и семечками, которыми кормились другие птицы. Хуберт стоял и раздумывал, когда сможет попасть на рынок, однако в этот момент из лавки донесся голос зовущей его матери.

Он откликнулся и пошел к ней, на ходу заправляя в штаны полы рубахи, куда была завернута птица. За прилавком мать обслуживала клиента, которого Хуберт никогда раньше не видел. Судя по ливрее, человек этот служил в одном из лучших домов города. Ничего странного в подобном визите не было. Семья Хуберта была одной из немногих в Карловых Варах, которые не извлекали дохода от термальных источников и не были связаны с производством стекла. Его дед, отец матери, всю жизнь занимался ремонтом разных механизмов. Прежде всего двигателей, но еще и велосипедов, часов и вообще любых устройств с зубчатой передачей, нуждающихся в починке. После смерти деда лавкой и мастерской заправляла мать. Иногда заказчики приезжали к ним из самой Праги, не говоря уже об окрестных городах. Мать завернула в суконную тряпицу карманные часы и протянула сверток клиенту. Он вежливо распрощался и вышел из лавки. Хуберт проводил его взглядом через стеклянную витрину. Скромную улочку городского предместья, так непохожую на красивые и многолюдные центральные проспекты, до краев заливало раннее сентябрьское солнце.

— Ничего не поделаешь, придется послать тебя к Бизонь-ози, — сказала ему мать, указывая на маленький сверток поверх

запечатанного конверта на прилавке, обернутый в весьма элегантный мужской носовой платок.

Хуберт неуверенно кивнул и потянулся за свертком и конвертом. Такого рода поручения были ему не в новинку, что, впрочем, не делало их более приятными. Намеревавшиеся воспользоваться услугами Бизоньози почти никогда не обращались к нему лично: они знали, что в этом городе любая открытая для публики лавка или мастерская послужит им посредником. Все здесь так или иначе находилось под контролем и защитой великого главы ремесленников.

— Не задерживайся, — сказала мать. — Ни на что не отвлекайся. Меня не интересует, встретишь ли ты на фабрике отца или какого-нибудь приятеля по дороге. Возвращаясь домой, как только управишься, — нужно будет за братом присмотреть.

Хуберт с трудом скрыл разочарование. Младший братишка, всего-то трех лет от роду, порой оказывался настоящей занозой. А ему так хотелось бы провести остаток вечера, шатаясь по центру города, слушая музыку, разглядывая кареты курортников. Он смиренно вышел из лавки и отправился на «Гран-Панталеоне», стекольную фабрику Бизоньози на другом конце Карловых Вар.

Бизоньози, что на итальянском значит «нуждающийся», не было настоящим именем главы ремесленников Карловых Вар. Он просто решил взять себе псевдоним. Титул «глава ремесленников» тоже, впрочем, не был самым подходящим для его роли. Бизоньози являлся главой преступного мира, и его должность начальника стекольной фабрики скрыть этот факт никак не могла. По происхождению он был итальянцем, но обосновался здесь уже несколько десятилетий назад: выкупил после банкротства чуть ли не самую главную фабрику города и пре-

вратил ее в процветающее предприятие, затмившее всех конкурентов. А между делом, по слухам, занимался и разными другими делами — такими, что вызывают вопросы. И все же больше половины города окружало его почтением и обращалось со всякого рода просьбами: пристроить, например, родственника на работу или еще за какой-то помощью.

Отец Хуберта был, собственно, одним из его сотрудников и восхищался этим человеком больше, чем кем бы то ни было. И поговаривал, не скрывая гордости, что во многих королевских домах Европы столы сервируют хрустальными бокалами производства фабрики «Гран-Панталеоне». Однако Хуберт скорее бы предпочел, чтобы отец работал в мастерской вместе с матерью.

На фабрику он прошел через одну из задних дверей, ведущих к конторам. Семьи, издавна живущие в Карловых Варах, хорошо знали друг друга, так что когда Хуберт объяснил причину своего визита и сказал, чей он сын, то без проблем попал в кабинет директора. Свой главный штаб и центр управления Бизоньози устроил именно здесь, на фабрике. В приемной — комнате с массивными шторами и огромными коврами на полу, убранство которой напоминало скорее о декадентских венецианских дворцах, чем о светлых и практичных зданиях Карловых Вар, — Хуберт слышал, как прямо у него под ногами, на нижнем этаже, мастера формируют горячее стекло.

Ждать ему пришлось недолго, всего через несколько минут распахнулась дверь директорского кабинета. Оттуда вышел человек, хорошо известный в городе, хотя появлялся он здесь не слишком часто: Себастьян Моран, правая рука Бизоньози.

Это был высокий мужчина лет за тридцать, крепкий — косая сажень в плечах, несколько неряшливого вида. Англичанин

по происхождению, в Карловы Вары он наведывался с завидной регулярностью. Особых симпатий к нему Хуберт никогда не испытывал. Как-то раз отец поведал сыну, что некогда Себастьян Моран служил в британской армии, но не так давно был изгнан со службы. Когда бы Хуберт ни встретил этого человека, от него вечно пахло перегаром. Да и на женщин он смотрел так похотливо и вызывающе, что Хуберт испытывал отвращение. Сама мысль о том, что Бизоньози полагается в делах на такого человека, побуждала Хуберта относиться к начальнику отца с еще меньшим доверием.

Однако в тот день Себастьян Моран вышел из кабинета не один. Рядом с ним шел человек, с виду намного более опрятный: высокий, худощавый, с пронзительным взглядом и горделиво наклоненной головой. Беседовали они по-английски, так что Хуберт не очень хорошо понял, о чем они говорили, но все же ему удалось уловить имя, что использовал Себастьян Моран при весьма церемонном обращении к незнакомцу: профессор Мориарти.

Любопытно, как течение времени изменит перспективу всей истории. Но в тот момент это имя являлось для него пока что пустым звуком.

Двенадцать лет спустя, находясь уже очень далеко, приложив неимоверные усилия, чтобы спрятать поглубже любое воспоминание о Карловых Варах и обо всем том, что осталось у него за спиной, Хуберт услышит от девушки по имени Эмма Дойл, что профессор Джеймс Мориарти погиб, что некто по имени Шерлок Холмс его убил.

И только тогда Хуберт Елинек, уже сменивший к тому времени фамилию, сможет наконец спокойно спать по ночам.